

Праздничные традиции Ростовского уезда Ярославской губернии (в конце XIX — начале XX вв.)

И. З. Зубец

Праздничная культура русского крестьянства в конце XIX — начале XX вв. — это слаженная, выверенная система, единая в общих чертах для всей территории страны. Вместе с тем, в ней существовали и местные, локальные специфические компоненты. В Ростовском уезде Ярославской губернии, например, они были определены рядом факторов — исторических, экономических и социальных.

Во-первых, территория Ростова и его окрестностей — это земли бывшего Ростовского княжества, обособившегося в середине XI столетия при распаде Древнерусского государства и разделившегося впоследствии на более мелкие. Одно из них так и продолжало называться Ростовским княжеством, став потом Ростовским уделом, а позднее — уездом.

Во-вторых, в конце XIX — начале XX в. значительную роль у местного населения играло отходничество, в которое была вовлечена большая часть жителей, отправлявшихся на заработки в Петербург, Москву и другие города страны. Занятие отхожими промыслами вело к трансформации социально-экономических и культурологических процессов внутри крестьянской общины, к переориентации сознания ее членов.

В-третьих, Ростовский уезд отличала развитая сеть дорог, нахождение на крупном торговом тракте, большое количество церквей и монастырей, упорядоченная система обучения при них. Ростовские крестьяне занимались не только в аграрном секторе, но и разнообразными сельскими кустарными промыслами¹; работали на фабриках и заводах, вели активную торговлю².

Интенсивное торговое земледелие и отхожие промыслы, развитие ремесел вносило ряд городских признаков в традиционные патриархальные отношения. В то же время культура ростовского крестьянства, и в первую очередь праздничная, в своих основных чертах полностью соотносилась с традиционной средне-и севернорусской. Это проявлялось как в составе фольклорных текстов, так в обрядовой и ритуальной практике, репрезентировавшей культуру большинства, и представлявшей некий «эталон» традиции³. Сам же праздник в народной традиции являлся таким феноменом культуры,

¹ РФ ГАЯО. Ф.2. Оп. 1. Д. 1289. Л. 77.

² *Никольский Ф. Я.* Село Поречье-Рыбное Ростовскаго уезда // ЯГВ. 1848. Ч. неофиц. № 37—43.

³ Термин «эталон традиции» введен А. Н. Власовым. См.: *Власов А. Н., Власов А. Н.* Традиционная культура нижней Вычегды: проблема «эталонной» составляющей в севернорусском фольклоре // Рябининские чтения—2007. Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск. 2007.

функции которого заключались в сохранении и передаче от поколения к поколению социально значимой информации о главных ценностных ориентациях и нормах поведения.

Все народные русские праздники, как календарные, так и семейные, имели общую структуру: особая трапеза, костюм, комплекс обрядов. Наиболее специфичные среди них были связаны, пожалуй, с аграрным циклом. Так, в Ростовском уезде существовал обряд, отмечавшийся в неделю жен мироносиц (третья после Пасхи), семантика которого к концу XIX в. была забыта. Девочки, собравшись в одну группу, изготавливали из определенного числа ниток «плетеницу», которую потом тайно от других вешали на малиновый или смородиновый куст. После чего садились за ими самими приготовленный общий стол, украшали разноцветными лентами веревку, носили ее по улицам с песнями. В Троицын день снимали с куста плетеницу, расплетали ее, спускали на воду и гадали о будущем⁴.

Этот местный обычай, с одной стороны, подобен традиционным для центральных губернии России конца XIX — начале XX в. семико-троицким гуляниям девушек⁵. С другой, — он имеет свои отличия: это и время завивания плетеницы (третья после Пасхи), а не седьмой четверг после нее, и использование вместо общепринятых в таких обрядах березовых веток — нитей. С ними, на самом деле, связано значительное количество обрядов с нитями, поскольку нить в народной культуре — один из важнейших символов. Она и выполняла роль оберега, и соотносилась с представлениями о судьбе, жизненном пути⁶. Сохранившийся же под Ростовом обряд, видимо, являлся трансформированным остатком древнего магического ритуала, направленного на получение хорошего урожая и время возникновения которого, вероятно, относится к периоду язычества.

К таким же древним этнографы относят и все обряды с использованием выпечки. Например, широко была распространена у русского населения традиция выпекать на Благовещение в большом количестве просфоры⁷. Популярность среди крестьян на Благовещение выпечки объясняется значимостью для них этой даты. Считалось, что этот день является особым, полагали, что Богородица со своей небесной высоты в Благовещение засеивает зеленые поля — и поэтому все ритуальные действия в народном сознании наделялись продуцирующими способностями. Они распространялись и на ритуальные хлебы, выпеченные к этому празднику⁸.

⁴ ГМЗРК. Р-378. Л. 33 об.

⁵ См.: Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1915. Вып. 2. С. 805, 815.

⁶ Зубец И. З. Символизм предметов в народной культуре // ИКРЗ. 2007. Ростов, 2008. С. 361–375.

⁷ Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 2008. С. 161.

⁸ З-в. Откуда произошел обычай в праздник Благовещенья раздавать народу просфоры не благословенные и не вынутые и следует ли его поддерживать, где он есть? // Руководство

В связи с этим, по общерусской традиции использовали Благовещенскую просфору в качестве чудодейственного средства, способного повлиять на «доброплодие и благоплодие» будущего урожая⁹. В бывшем Ростовском уезде были свои локальные варианты подобных обрядов. Большие благовещенские просфоры здесь пекли в каждой семье по числу домочадцев, и при этом в одну из них запекали копейку. Того, кому доставалась такая просфора, считали счастливым и удачливым, поэтому в течение всего года поручали ему начинать разные важные работы, и в первую очередь — пахоту и сев¹⁰.

Также существовало «обыкновение раздавать каждому домохозяину за богослужением Благовещеньева дня благословенные хлебы, которые они и хранили до времени посевов, а во время самого сева брали собой в поле»¹¹. В селе Угодичи, знаменитом древними земледельческими традициями, огородники по-своему использовали благовещенскую просфору. Они брали ее в церкви, святости ее там, на блюде выносили, крошили, а потом, вместе с рассадой, и сеяли¹².

Совершенно уникальный обряд, аналогов которому на территории России не известно, существовал и в другом богатом аграрными традициями селе — Поречье. Приурочен он был к календарному, являвшемуся также и престольным, праздником села, — дню великомученика Никиты, который отмечался 15 сентября (28 н/с). У поречских крестьян он был связан с окончанием сельскохозяйственного цикла и сбором урожая. Обряды совершались вечером: по селению ходили дети, перекликались и держали в руках фонарики из высушенных овощей. Это могла быть как большая тыква, так и свекла, у которых вынута сердцевина и вырезаны отверстия, имитирующие глаза и рот, а внутрь вставлена свечка (огонь для нее выносили из церкви). Такими фонарями, овощами-плошками со свечами, украшались в Поречье храмы и крыльца домов. Молодежь на праздник чудила: разваливала поленицы, светила фонариком в окно¹³.

Здесь налицо использование изобразительных компонентов обряда — специально изготовленных предметов и ритуальных действий, способствующих получению и призыванию урожая в будущем году.

Происхождение этого обряда можно попытаться объяснить тем, что, по преданию, крестьяне села Поречье-Рыбное — центра ростовского огородничества — направлены были Петром I на обучение в Голландию, в память о пребывании в которой и устраивали традиционное для Нидерландов шествие с фонарями.

Также существовал в Ростовском уезде и другой массовый праздничный

для сельских пастырей. Киев, 1886. Т. 1. № 14 (6 апр.). С. 442—445.

⁹ См.: *Коринфский А. А.* Народная Русь... С. 161.

¹⁰ ГМЗРК. А-1946. Л. 75.

¹¹ *Титов А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание. М., 1885. С. 415.

¹² ГМЗРК. А-1946. Л. 23.

¹³ См.: *Морозов А. Г.* День св. Никиты в Поречье-Рыбном // РВ. 25 октября 2011.

обряд, семантика которого аналогична всем календарным обрядам — продуцирующая магия. По воскресеньям в селе Угодичи девицы гуляли по улицам попарно с «беломойными» саночками. Саночки могли быть порожними, а иногда на них сажали детей. Молодцы в это время ходили группой подле этой длинной «гусеницы» девиц и их санок, высматривая невест, пели песни¹⁴.

Наряду с этим обрядом, совершавшимся, как сказано выше, по воскресеньям в зимний период, существовал и схожий, но приуроченный к Троицын дню и к храмовым праздникам, называвшийся «круги». Круг — это особый торжественный хоровод с участием девиц из нескольких селений.

Девицы в лучших нарядах, передавая одна другой косынки, составляли замкнутую цепь и с песнями ходили вдоль деревни, медленно при этом кружась. Парни или «молодцы» следовали за кругом, выбирая невест и изредка вступая в цепь, старшие — любовались на молодых, сидя на завалинке¹⁵.

Смысл подобных хороводов может заключаться в формировании гармоничных отношений, в помощи выбора женихом невесты, где платок — символика чистоты девушки, ее незапятнанности, с другой стороны, круг содержит символику урожая, поэтому является элементом продуцирующей магии, а также и магии апотропейной.

И, наконец, имелись в Ростовском уезде свои варианты широко распространенной среди русского населения святочной ворожбы. Вообще святочная пора включала множество самых различных обрядов, типичных для переходного календарного периода. Этот особый сакральный рубеж — момент солнцеворота, ведущий к увеличению дня и солнечного тепла, обладал, по народным представлениям, способностью оказывать воздействие на благополучие предстоящих аграрных работ.

В окрестностях Ростова к этим праздникам собирались поздним вечером девять девиц и направлялись к проруби. Три из них «ехали верхом»: одна — на помеле, другая — на ухвате, третья — на клюке. Остальные шесть сопровождали их песнями. У проруби наездницы зачерпывали воду деревянными чашками, затем все возвращались в том же порядке в пустую избу. Здесь принесенные чашки с водою накрывали полотном, и девицы опускали в одну из них свои кольца. Начинали петь песни с различным содержанием, по окончании каждой одна из девиц вынимала из чашки кольцо, и слова песни были пророчеством¹⁶.

Локальной спецификой выделялись не только календарные, но и семейные обряды, причем наиболее показательными местными особенностями обладала свадьба. В Ростовском уезде отличительной ее чертой было не только присутствие гостей, но и обязательно — «глядельщиков» — людей, на свадьбу не приглашенных, но наблюдающих за ней и обсуждающих ее: здесь считалось,

¹⁴ Артынов А. Воспоминания крестьянина село Угодичи А. Артынова. М., 1882. С. 36.

¹⁵ Волоцкий В. Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губ.) говора. СПб., 1902. С. 43.

¹⁶ См.: Л-р-ъ. Святочные гадания в селах Ростовского уезда // ЯГВ. 1870. № 2. С. 7.

чем больше глядельщиков, тем лучше свадьба¹⁷.

Ярким специфическим местным признаком является и зачитывание под общий смех приглашенных на свадьбу своеобразных «указов». Их происхождение в исследованиях ученых трактуется по-разному. Так, Е. Э. Бломквист, записавшая их во время этнографической экспедиции в Ростовский уезд, предположила, что корни их — в лубочных картинках¹⁸, В. А. Поздеев — в искусстве скоморохов¹⁹, З. И. Власова — в существовавшей когда-то фарсовой части свадьбы²⁰. Именно ее отголоски, считает исследователь, и остались зафиксированы в свадебных «указах» Ростовского уезда Ярославской губернии.

На самом деле, «указы» здесь читались перед выкупом места для жениха и были самым любимым эпизодом свадьбы. Тексты указов были ритмически организованы и, имея варианты, все они сохраняли единую композицию: вступление, в котором сообщалось их происхождение: «Из Симского леса от лысого беса» (есть и другие варианты), зачин с обращением к гостям и всем присутствующим на свадьбе: «Господа глядельщики, двери затворите, а вы, малые ребята, сопли подотрите»; обращение к жениху с просьбой не обижаться и быть внимательным: «Стой, жених, не вертись, / Что читать буду — не сердись»²¹.

Основную часть потешного «указа» составляли насмешки над молодыми, их одеждой, домом, животными и имуществом:

У вашего жениха есть хоромы: летают там одни вороны;

В полукруглые окошки лазают кошки.

В первом ряду порог, во втором потолок,

Четыре столба врыто и бороной покрыто.

Составитель «указа» смеется и над собой: дается сатирическая характеристика трех женщин, на которых он якобы был женат: «Варвара выше амбара»; «Ненила — белья не мыла. Много вшей накопила: / Такие вши — хоть избы мши: / Первая вшичка — что брусничка, / А вторая — как клубничка; / А третья как скатится — / Так с соседской собакой драться схватится». Известно значительное количество вариантов подобных «указов».

Не менее специфичен и обряд, совершаемый в окрестностях Ростова во время венчания. Под подножье брачующимся здесь клали в тех ситуациях, если кто-то из молодых болен, ложку. Они, обходя аналой, старались наступить на нее и раздавить, чтобы, как считалось, «не завенчать болезни»²².

В такой части свадьбы, которая происходила в момент приезда жениха в дом невесты, зафиксирован также весьма специфический элемент обряда.

¹⁷ ГМЗРК. Р-1277. Л. 71.

¹⁸ См.: Бломквист Е. Э. Свадебные указы Ростовского уезда: (К вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту) // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2–3. С. 103–111.

¹⁹ Поздеев В. А. Реально-исторические корни «свадебных указов» // Малые жанры в русской и современной литературе. Межвуз. сб. науч. тр. Киров, 1986. С. 15–24.

²⁰ Власова. З. И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. С. 421.

²¹ ГМЗРК. АДМ-611. Л. 13, 15 об.

²² РФ ГАЯО. Р-1333. Оп. 1. Д. 15. Л. 10 об.

В Ростовском уезде подружки невесты перед приходом жениха «загаживали» стол всевозможным мусором, который они по его просьбе потом и убирали²³. В данном контексте, видимо, это символизировало, по аналогии с соломой, которую устилали на стол на Рождество, единство семьи и хозяйства, сохранение и увеличение доли²⁴.

Кроме обязательного комплекса обрядов, другим неизменным компонентом праздника являлась особая, отличительная от будней трапеза. К праздничным блюдам здесь относились «жаркое холодное, сайки, калачи, пряники и орехи»²⁵. Наиболее ритуализированным блюдом в праздничной трапезе являлась выпечка. Несмотря на то, что существовало множество ее версий, к концу XIX в. наиболее распространенными оказываются пряники. Именно наличие своего, местного, только здесь известного варианта пряника — яркая, специфическая черта праздничной обрядовой выпечки в Ростовском уезде.

Во время свадебного обряда использовалась уникальная Ростовской пряница. Пряница — это большой пряник, в аршин (71,12 см) ширины и полтора аршина (106,68 см) длины, представлял собой коврижку, на которую укреплены разнообразные фигуры²⁶. Это выпеченные из пряничного теста, «украшенные ... золотом с серебром» четыре пары «Баринов» и «Барынь», приготовленных с помощью пряничных досок. Они вместе с шестью фигурами «елок» и «звезд», концы которых также позолочены, образуют группу вокруг находящегося в центре зеркала в раме из теста. Зеркало убрано полотенцем, вырезанным из белой папиросной бумаги²⁷.

Жених вместе с подвенечным платьем, корзиной с туалетными принадлежностями приносил такую пряницу на девичник, следующий за обрядом сговора, невесте²⁸. Она его делила между гостями: фигуры девушек доставались подругам, звезды и елочки — молодым, сама коврижка — родным, присутствующим на сговоре, зеркало в раме оставалось и хранилось у нее самой. На следующий день, чтобы ехать к венцу, за невестой приезжали дружки — опосленики, которым раздавали такую же пряницу²⁹.

Символика изображений на свадебной ритуальной выпечке — благопожелания новой семье; а также, возможно, — уподобление раю. Такие представления нашли свое выражение в загадках Ярославской губернии: «Что в избе рай? Каравай!»³⁰.

²³ ГМЗРК. Р-986. Л. 9.

²⁴ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 130.

²⁵ Артынов А. Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова. М., 1884. С. 16.

²⁶ ГМЗРК. Р-378. Л. 435.

²⁷ Бломквист Е. Сговорный пряник или «пряница» — свадебный пряник из г. Ростова Ярославской губернии // Отчет ГРМ за 1926–1927 гг. Л., 1929. С. 61.

²⁸ Артынов А. Я. Село Угодичи Ростовского уезда Ярославской губернии. Ярославль, 1889. С. 49.

²⁹ Там же.

³⁰ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя

Между тем, празднику сопутствовало и преобразование внешнего вида человека: обязательно менялась его одежда. Праздничный костюм жителей Ростовского уезда в рассматриваемый период существенно отличался от традиционной народной одежды. Он находился под огромным влиянием городского костюма (тот же, в свою очередь, ориентировался на французскую моду). Краеведы в своих наблюдениях так отмечали этот факт: Мужчины и женщины любят щеголять и нарядами и вообще, по одежде и частию обстановки, казать себя более горожанами, чем поселянами³¹. Давая оценку нравам местных жителей, известный краевед и публицист Ф. Я. Никольский отмечал, что здешние крестьяне по умственному и внешнему виду стоят на одном уровне с купечеством и мещанством, носят частично платья своего, частично — немецкого кроя, смесь старого и нового³².

Знаток ростовского быта А. А. Титов так описывает одежду крестьян этого времени. Праздничные костюмы «молодцев» (холостых мужчин) и недавно женатых крестьян все немецкого покроя: шляпа (цилиндр или обыкновенная круглая), дорогая фуражка или шапка, шелковая или шерстяная рубашка, но чаще белая полотняная с крахмалеными воротничками и манжетами, сюртук или модный пиджак, жилет, брюки, поверх модное пальто, все это суконное, или драповое, или из хорошего трико, зимой пальто или чуйка на меху, чаще лисьем с каракулевым или бобровым воротником; у каждого часы с цепочкой, многие даже с несколькими цепочками, что, кажется, по мнению молодца-крестьянина, изобличает первостатейного щеголя; сапоги смазные с калошами, зимой резиновыми. Костюмы (праздничные) девиц и молодых женщин составляют: на голове шиньон и шляпка или дорогой платок, платье модное шелковое или шерстяное, с воротничками и манжетами, на шее серебряный вызолоченный крест с такой же цепочкой, у некоторых медальон, часы и на руках браслеты, хотя и не у всех золотые или серебряные, а чаще медные, вызолоченные или гуттаперчевые, в ушах серьги с подвесами, шелковый зонтик летом, модный дипломат, тальма и другое тому подобное, а зимой шубка или так же дипломат, драповые или триковые, не редко бархатные на меху с кунным воротником и на ногах летом прюнелевые или шагреновые ботинки, с калошами, а зимой теплые плисовые полусапоги или драповые полусапожки³³.

Яркой специфической чертой праздничных нарядов жительниц Ростовского уезда были: летом — шерстяные и шелковые платья различных цветов, кроме черного и белого, а также и «пара». Если в целом по стране в конце XIX — начале XX в. так называемую «пару» — комплект из юбки и кофты различных фасонов, из одной или разных, но гармонирующих между собой тканей, — обычно носили жители городов, то на рассматриваемой территории — сел и деревень. Причем этот костюм, известный всем местным крестьянкам, носил здесь своеобразное наименование — «терраса».

В. Н. Тенишева. СПб., 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. С. 147.

³¹ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1289. Л. 78.

³² Никольский Ф. Я. Село Поречье-Рыбное Ростовского уезда // ЯГВ. 1848Ч. неофиц. № 37—43.

³³ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 236. Л. 19.

Он состоял из двух предметов — полудлинной кофты в талию, длинной юбки или платья с широкой оборкой на подоле, сшитых из одного материала. Анализируя такие костюмы, хранящиеся в фонде «Изделия из ткани» ГМЗРК³⁴, можно заметить, что кофта «терраса» шилась обязательно из дорогих тканей, на подкладе из коленкора, и плотно облегла фигуру. Спинка состояла из шести частей, суживающихся к талии и переходящих в глубокие складки. Ее нижняя часть обычно выступала к середине мысом. Передняя — приталивалась несколькими вытачками, имела застежки. Верхняя часть кофты могла шиться притачной, с многочисленными поперечными зашипами или мелкими складками, и отдельно застегивалась на крючки или на кнопки. Воротник чаще всего — «стойка». Рукав нередко отделялся кружевом, мог быть пышным у «головки», вверху.

Юбка «терраса» шилась с многочисленными сборками сзади, на подкладке из тонкой ткани, часто с оборкой снизу. В то время, когда среди женского населения был распространен этот своеобразный костюм, мужчины по праздникам одевали обязательные к таким случаям пиджаки и брюки навыпуск³⁵.

Потребность одеваться в праздники в самое лучшее платье, следовать новым модным тенденциям, иногда находящимся не в соответствии с другими элементами одежды, выражались, по наблюдениям корреспондентов, в непременном использовании девицами в любую погоду зонта от солнца, а парнями — калош, какой бы сухой ни была погода³⁶. Мода на ношение калош нашла отражение в народном фольклоре: «Сапоги с калошами, — на дворе нет лошади»³⁷.

В целом праздники в рассматриваемой местности имели довольно незначительную часть своеобразных черт, есть лишь незначительный набор особенностей праздничной культуры местного населения, отличающихся от общерусского «стандарта».

³⁴ См. ГМЗРК. Т-8; 4146; 4145; 4139; 4153; 13, и др.

³⁵ См.: Там же. С. 254.

³⁶ См.: Волков П. Деревенские праздники. ЯГВ 1870, № 39. С. 149–150.

³⁷ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2. С. 149.